

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 181

19 NOVEMBRE 1948

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

4-й ГОД ИЗДАНИЯ
Quatrième Année

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

25 frs

РЕДАКТОР А. Ф. СТУПНИЦКИЙ Адрес Редакции и Конторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2e Tél.: CEN. 44-37. Rédacteur en chef A. Stoupnitzky

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

М. П. ЧЕХОВА

Сестра А. П. Чехова, Мария Павловна, недавно отпраздновавшая свое 80-летие и проживающая в Ялте, на даче - музее Чехова, опубликовала недавно в "Литературной Газете" статью, которую мы воспроизводим, в виду ее интереса, полностью.

Жестокий провал «Чайки» в Петербурге в 1896 году которого я была свидетельницей, произвел на меня тяжелое впечатление. Еще большее, конечно, огорчение он принес брату моему Антону Павловичу. Помню, когда я вернулась в Мелехово, куда он приехал раньше меня, Антон Павлович встретил меня словами: «О спектакле больше ни слова». Я стала бороться новой постановки «Чайки» где бы то ни было. Какая-то горечь осталась в душе после того, что с «Чайкой» случилось в Петербурге.

Осенью 1898 года Антон Павлович уехал зимовать в Ялту. Я перевезла мать в Москву и наняла квартиру на Малой Дмитровке, на углу Успенского переулка. На другом конце этого переулка, в Кадетском саду, в «Эрмитаже», как потом оказалось, был расположен тогда еще неизвестный мне Московский Художественно-Общедоступный театр. В нем шла пьеса А. Толстого «Парь Федор Иванович». Художник Левитан много говорил мне об этом спектакле, звал посмотреть его. Но я никак не могла собраться.

И вот как-то однажды ко мне явился брат Иван Павлович и сказал, что меня разыскивает В. И. Немирович-Ланченко, чтобы переделать билет на премьеру «Чайки», которая идет 17 декабря в Московском Художественно-Общедоступном театре. Сердце мое болезненно сжалось: я боялась повторения провала «Чайки». Я отказалась от присланного билета в ложу, предложив брату идти со своей семьей.

Вечером 17 декабря мимо окон моей квартиры шумно проезжали извозчики, окликажи, кареты, направлявшиеся в «Эрмитаж». Потом наступила тишина. Я мучительно волновалась и в конце концов не выдержала и пошла в театр. Открыла ложу, где сидел брат Иван, и тихо присела у самой стены. Тишина и внимание публики меня поразили. Я шепотом спросила брата:

— Ну, как?

Он сказал:

— Замечательно.

Я стала смотреть пьесу и увидела чудесную игру знакомых мне артистов (тогда я еще не знала ни Книппер, ни Лилиной, ни Вишневского, ни других артистов Художественного театра). Публика принимала спектакль восторженно. Вызывали на сцену актера. В конце спектакля, по требованию публики, Антону Павловичу была послана телеграмма.

На другой день я написала брату в Ялту восторженное письмо:

«Вчера шла «Чайка». Постановка она прекрасна. Первое действие прошло вполне понятно и интересно. Актрисы, мать Треплев играла очень, очень милая артистка Книппер, талантливая удивительно, просто наслаждение было ее видеть и слышать. Доктор, Треплев, учитель и Маша были превосходны.

Не особенно мне понравились Тригорки и сама Чайка. Тригорина играл Станиславский было, а Чайку — плохая актриса. Но вообще поставлено так жизненно, что действительно забываешь, что это

спена. В театре была тишина. Слушали внимательно. После первого акта стали вызывать тебя. И когда Немирович объявил, что тебя в театре нет, то все, особенно в партере, закричали: «Так надо ему послать телеграмму».

После третьего действия опять шум и овации артистам, вызовы автора. Тогда Немирович произнес: «В таком случае позвольте мне послать автору телеграмму». Из публики: «Просим, просим».

Знакомых было очень много, я немало волновалась, но было весело, все поздравляли с успехом, говорили приятные слова по твоему адресу и т. д....

Почему-то К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Ланченко в своих воспоминаниях пишут, что перед постановкой «Чайки» я, якобы, приходила в театр и просила отменить спектакль, чем еще больше усилила нервозность всей труппы перед премьерой. Но я уже рассказывала выше, что до первого спектакля «Чайки» я ни разу не бывала в театре. Вероятно, мои дорогие, незабвенные друзья — Константин Сергеевич и Владимир Иванович, исподку записывали, как было дело (а с их легкой душой это в дальнейшем стали повторять в своих трудах и некоторые исследователи).

Вскоре я познакомилась со всеми артистами Художественного театра. Вот что я писала брату 5 февраля 1899 года после того, как в третий раз посмотрела «Чайку»:

«...Была я вчера в третий раз на «Чайке». Смотрела с еще большим удовольствием, чем в первый и второй разы. Очень, очень хорошо играют, даже Роксанова была хороша. Вишневский, который был у нас в гостях недавно, подглядел меня на сцену и переизнакомил со всеми артистами. Если бы ты знал, как они обрадовались! Книппер запрыгала, я передала ей поклон от тебя. Алексеева, которая играет Машу, просила передать тебе что-нибудь по ней ты доли не можешь написать, она тебя очень благодарит. Кланяются тебе все».

С какой любовью они играют твою «Чайку»! Была Федотова, плакала все время и говорила: «Передайте ему, голубчику, что старуха очарована пьесой и шлет ему глубокий поклон». При этом она мне поклонилась очень низко. В каждом антракте она требовала меня к себе и все плакала... Был Южин, но он ничего не сказал. И от души пожелала, что ты не можешь посмотреть свою пьесу при такой художественной игре, хотя Немирович говорит, что еще лучше можно играть. И вчера наслаждалась четвертым действием. Его удивительно заканчивает Вишневский».

Теперь, когда мне минуло 87 лет, я с большой теплотой вспоминаю чудесные дни первого спектакля «Чайки», когда зародилась моя большая и многолетняя дружба со всем коллективом Художественного театра. У меня есть книга К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве» с такой записью:

«Дорогой, любимой, родной Марии Павловны Чеховой, с которой пережиты лучшие времена нашего театра и жизни, от искреннего и навсегда преданного К. Станиславского».

Я храню эту книгу, как дорогое воспоминание о моих друзьях-художественниках.